

Сейчас зима, и после полуденной трапезы небо уже успело окончательно почернеть.

С тех пор как Гу Чанъянь дал добро, вопросы быта и личной гигиены Вэнь Чаннина были полностью решены. Весь день и вечер они с Гу Чанъянем провели в экспериментах, пытаясь разобраться в ситуации. Оказалось, что вещи, принесенные Вэнь Чаннином из его мира, другие люди видеть не могут. Что же касается предметов этой эпохи, то если он сам ими пользуется и касается их, окружающие их не замечают — совсем как его современную одежду. Однако стоило ему её снять, как она тут же становилась видимой для остальных.

Когда Вэнь Чаннин попал в этот мир, у него на родине как раз наступил двенадцатый лунный месяц. Из-за праздничного ужина по случаю дня рождения он после выхода из больницы специально заехал в квартиру, чтобы переодеться в более официальный наряд. Поэтому после перемещения он остался в черном пальто, худе, узких джинсах и белых кедах. И вот в таком виде он провел с Гу Чанъянем почти сутки.

...

Осознав это, Вэнь Чаннин сначала оцепенел, а потом почувствовал, как заныли зубы от неловкости. Впрочем, вскоре он махнул на всё рукой: в конце концов, Гу Чанъянь и так уже видел его в самых странных и нелепых ситуациях. Снятую современную одежду он решил постирать и приберечь — это были одни из немногих вещей, напоминавших ему о родном доме.

Когда голова коснулась подушки, Вэнь Чаннин лежал, глядя в непроглядную тьму, и прокручивал в голове всё, что произошло за день. Итог был неутешителен: теперь он находился на полном обеспечении у другого человека, попросту говоря — жил нахлебником.

...

Вэнь Чаннину стало не по себе. Он перевернулся на другой бок, размышляя, что нужно придумать способ отблагодарить Гу Чанъяня.

На следующее утро, после завтрака, дождавшись, пока они останутся вдвоем, Вэнь Чаннин решил спросить:

— Чем ты собираешься заниматься сегодня?

Гу Чанъянь немного помолчал, обдумывая ответ, и произнес:

— Никаких особых дел нет, я собираюсь пойти в кабинет почитать.

Вэнь Чаннин беззвучно выдохнул, кивнул, показывая, что услышал, и добавил:

— Можно мне с тобой?

Гу Чанъянь склонил голову, его голос прозвучал низко и приятно:

— Можно.

Вэнь Чаннин уже придумал, как отплатить за гостеприимство: он хотел изложить всё на бумаге. Вот только местную письменность он понимал лишь наполовину, угадывая смысл по контексту, поэтому для записи ему требовалась помощь.

Оказавшись в кабинете, Вэнь Чаннин спросил:

— Чанъянь, можешь мне помочь?

Услышав такое обращение, Гу Чанъянь замер. Вэнь Чаннин был старше, и он относился к нему как к другу, так что называть его по имени было вполне уместно. Раньше он просто не обращал на это внимания.

— Конечно, что нужно сделать?

В конце концов, Гу Чанъянь кивнул, соглашаясь.

— Э-э, я не умею писать здешние иероглифы. Я буду диктовать, а ты не мог бы записывать за мной?

Поскольку они ещё не были близки, Вэнь Чаннин уточнил детали. Гу Чанъянь сел за стол, развернул свиток рисовой бумаги, обмакнул кисть в тушь и своим действием дал понять, что готов записывать.

Вэнь Чаннин начал подробно излагать свою мысль. Прошлым вечером он долго размышлял: жить на чужой шее нельзя, поэтому он придумал для Гу Чанъяня способ заработать. Метод не должен был быть слишком прогрессивным или шокирующим, иначе последствия будет трудно контролировать. Мыло — общеизвестный «артефакт» попаданцев — не подходило: в империи Ци оно уже существовало и было повсеместно распространено. Вэнь Чаннин не мог с ходу придумать ничего сверхнового, поэтому остановился на другом популярном средстве — духах. К счастью, технология дистилляции в империи Ци уже была освоена, и, немного её усовершенствовав, можно было наладить производство парфюма.

Гу Чанъянь писал, но вдруг остановился. Сначала он не понимал, зачем нужны эти духи, но когда Вэнь Чаннин перешел к детальному описанию процесса изготовления, всё встало на свои места.

Гу Чанъянь решил, что уловил суть. Отложив кисть, он спросил:

— Ты хочешь на этом заработать?

Гу Чанъянь происходил из знатной семьи и никогда не нуждался в деньгах — всё, что он хотел, ему приносили на блюдечке. Но даже будучи далеким от мирских забот, он прекрасно

понимал, какую колоссальную прибыль может принести это дело. Если производство и продажа духов будут налажены успешно, они несомненно станут предметом обожания знати, чиновников и богатых купцов, особенно придется по душе женщинам. В одно мгновение Гу Чанъянь осознал масштабы возможностей.

Однако Вэнь Чаннин покачал головой:

— Нет, я не хочу на этом зарабатывать. Это подарок тебе в знак благодарности за то, что приютил меня.

Гу Чанъянь слушал, и выражение его лица стало неоднозначным. Потенциальная прибыль была столь велика, что он на миг даже растерялся, будто его чем-то околдовали. Но всё же он твердо сказал:

— Приютить тебя ничего мне не стоило. Это слишком ценный дар, я не могу его принять.

Вэнь Чаннин зауважал Гу Чанъяня ещё больше. Прежде чем предложить рецепт, он гадал, как тот отреагирует. Он хотел отплатить добром, поэтому надеялся, что Гу Чанъянь согласится, но в то же время не хотел, чтобы тот сразу же, не раздумывая, принял такой подарок. Вэнь Чаннин не знал, как долго продлится его пребывание здесь, но, по всей видимости, ему придется и дальше жить с Гу Чанъянем под одной крышей. Ему не хотелось, чтобы человек, с которым он делит каждый день, оказался алчным, но он прекрасно осознавал, какую прибыль сулят духи, и изначально не надеялся, что тот откажется.

— Тогда давай разделим доход три на семь: три мне, семь тебе. В моем нынешнем положении я всё равно не смогу вести дела самостоятельно.

Гу Чанъянь не согласился на пропорцию три к семи, но, видя упорство Вэнь Чаннина, предложил разделить поровну. В итоге они сошлись на пятидесяти на пятьдесят. Вэнь Чаннин остался доволен — лишние деньги никому не помешают.

Когда с разделом прибыли было покончено, Гу Чанъянь с любопытством спросил:

— Это ты сам придумал?

Услышав это, Вэнь Чаннин рассмеялся:

— Не совсем. Я лишь адаптировал упрощенную версию того, что уже существует.

Вэнь Чаннин указал на лист с описанием процесса и добавил:

— У меня на родине парфюмерная индустрия очень развита, и этот простейший способ знают многие.

В конце он добавил с легкой иронией:

— А вот получится ли воплотить это в жизнь — вопрос другой.

Гу Чанъянь понял: многие на родине Вэнь Чаннина знают теорию, что, впрочем, выглядело как пустые рассуждения. Это лишь подтверждало вчерашние слова Вэнь Чаннина о том, что его родина — процветающее место.

Гу Чанъянь аккуратно сложил высохший лист бумаги, убрал его и, повернувшись к Вэнь Чаннину, сказал:

— Давай я буду учить тебя читать?

Глаза Вэнь Чаннина засияли, он радостно кивнул. На самом деле, даже если бы Гу Чанъянь не предложил, он бы сам искал способ научиться грамоте. Будучи высокообразованным магистром, внезапно превратиться в безграмотного человека, который не может ни прочитать, ни написать иероглиф — такое испытание выдержал бы не каждый.

Запросы у Вэнь Чаннина были скромными: научиться читать и писать, не более. Он совсем не горел желанием в этой феодальной империи, где процветали государственные экзамены, пытаться пробиться в чиновники. Если бы он переродился здесь, возможно, у него и возникли бы амбиции, но сейчас, будучи уже взрослым, он не хотел пропитываться феодальной идеологией.

Поскольку в кабинете не нашлось детских букварей, Гу Чанъянь позвал Чжао Ланя и велел ему принести несколько подобных книг. Пока Вэнь Чаннин не мог читать, в кабинете, полном книг, делать было нечего, и Гу Чанъянь, проявляя чуткость, завел с ним непринужденную беседу.

<http://bllate.org/book/18800/1827388>